

а л е к с

а н д р п

е р е в е

р з и н

переверзин александр переверзин александр переверзин александр перев

документальное кино • документальное кино

Воймега

александр переверзин

ДОКУМЕНТАЛЬНОЕ КИНО

Москва
«Воймега»
2009

УДК 821.161.1-1 Переверзин
ББК 84 (2Рос=Рус)6-5
П27

А. Переверзин

П27 Документальное кино. — М.: Воймега, 2009. — 48 с.
(серия «приближение»)

ISBN 5-7640-0092-0

© А. Переверзин, 2009.
© С. Труханов, оформление, 2009.
© «Воймега», 2009.

• • •

вольна, как птица...

А. Б.

Не знает, как освободиться,
и бьётся под моим плащом
бесчеловечная синица —
в ней центр тяжести смещён.

Собрав оставшиеся силы,
прошила рёбра до спины,
на клюв трахею накрутила
и вышла с левой стороны.

• • •

Не забуду с дошкольного самого,
как боялись канадцы Харламова:
Кларк впечатывал, Хоу окучивал,
он их пачками здесь же накручивал.

Сила скифова, мужество греково,
воля ромова. Зависть канадова.
Им теперь и бояться-то некого,
разве только какого бен Ладена.

К горизонту щербатое, братское
подползает шоссе Ленинградское,
федеральное автологово.
Тьма чайковская. Пламя блоково.

чайник

Курили, мялись у сараев,
решали, как доставим груз,
я, Марк и Гена Николаев,
наш однокашник и не трус.

Был Гена третьим, внешним оком,
пока снимали втихаря
мы радиатор, ручки с окон
в цеху при свете фонаря.

Ходили трижды за окошко,
во тьму, где шорохи слышны.
Забрали чайник, вилки, ложки.
Кому теперь они нужны?

И, хоронясь во мраке жарком,
соляжкой провонявшем так,
что, если щёлкнуть зажигалкой,
спалишь к чертям весь этот мрак,

мы выгружались у забора.
Был Гена чайнику не рад:
«За ним вернуться могут скоро,
я отнесу его назад!»

За ним вернутся? Спятил, Гена!
Никто, никто и никогда
не возвратится в эти стены,
на это капище труда,

в пространство, ржавое на вдохе,
где — я же трижды там бывал! —
не то чтоб сходятся эпохи,
а просто времени провал.

Там труб дюралевые кости
нашарит в темноте фонарь,
и мнится: на чумном погосте
работал начерно грабарь.

А в отдалении, убоги,
из нашей тьмы во тьму веков
таращатся единороги
токарно-фрезерных станков...

.

...Теперь, застрявший меж мирами,
я говорю с таких высот,
с которых видно, что же с нами
за десять лет произойдёт:

Марк, соскользнув в стройбате с крыши,
без ног покинет гарнизон,
Геннадий голоса услышит
и будет в жёлтую свезён,

я изучу закон Бернулли,
проинжинерю год в Клину.
А чайник мы тогда вернули,
не взяли на себя вину.

• • •

на улице играют музыканты
а мы с тобою словно арестанты
идём понутив головы молчим
и солнце в небе будто неживое
застыло слева а над головою
твоею ангел еле различим

вперёд рванёт заплачет засмеётся
исчезнет пропадёт на фоне солнца
появится и снова пропадёт
я думаю а если бы не пили
его бы лучше было видно или
наоборот

так вот же он и музыка повсюду
на ангела я до рассвета буду
смотреть на службе выпрошу отгул
лишь бы его блюющий рядом с урной
мужик нетрезвый фразой нецензурной
или недобрым взглядом не спугнул

• • •

Счастливого детства осечка
случилась, где школа одна
у мелкой загаженной речки
за редким забором видна.

Лет двадцать тому здесь бараки
сгорели, сегодня горят
огни дискотеки, но баки
помойные те же стоят.

И в воздуха сложном искусстве,
блестящем и тонком, как жесьть,
какое-то нежное чувство
и память недолгая есть.

Ей чужды пространные речи.
Моими глазами на бак
установилась по-человечьи
и не отпускает никак.

• • •

Александрю Грачёву

Мне хотелось быть в детстве врачом,
космонавтом и просто грачом,
чтоб весной прилетать во Власово,
как грачи на картине Саврасова.
Я любил танцевать и петь
и на девочку Юлю смотреть,
слушать песню про город Иваново
и невест. Я Ивана Жданова
не читал, а читал про волшебников
и не знал, кто такой Холшевников.
Я тогда не работал над словом,
не зачитывался Соколовым,
словари за собой не таскал,
рифмы к слову «таскал» не искал
и с анакрузой не был знаком.
Я на речку гонял босиком,
пропуская уроки вокала.
Меня мама за это ругала.
А в свой день рожденья, зимой,
Юлю я приглашал домой.
Помогал ей снимать пальто
и читал наизусть Барто.

• • •

Когда они, раздвинув доски, протянут руки сквозь забор,
вложи в ладони папироски. Вот пригодился «Беломор».

Медбрат октябрьским ветром дышит —
калитку держит на замке,
ему бы спрятаться под крышу, а он сидит в дождевике

на мокрой лавке у теплушки, не отрываясь смотрит в высь.
Ему, Царю Всея Психушки, здесь на глаза не попадись.

Увидит поздно или рано, прикажет показать ладонь.
Вторую. Вывернуть карманы. В больнице запрещён огонь.

С придурками разбор короткий... К его собачьему труду
не будь пристрастным: за решёткой
гореть темнее, чем в аду.

.....

Медбрат, но разве в нашей смертной
есть что-то большее, чем стриж
улыбки этой сигаретной, когда в безумное глядишь?

И видишь, что за ней — живое, правдоподобное, кривое,
пусть не такое, как у нас, — то мы мертвей во много раз...

Вообще-то я к тебе по делу. Стаканы доставай и снесь,
есть у меня бутылка белой — не всё ж на дураков смотреть.

• • •

Отец, которого я помню,
мне показал каменоломню,
засохший дуб — жилище ос
и рощу, где шиповник рос.

Когда брели по грубой пашне
в ночи, ведомые Творцом,
темно мне было, но не страшно —
ведь я шёл за руку с отцом.

Отец, которого я знаю,
вороньего страшится грая,
воды боится и огня,
бубнит: не трогайте меня.

И плачет и дрожит, покуда
не сядет смиренно на кровать:
«В последний раз даю, паскуды,
отраву в горло мне пихать!»

Но тут же: «Уберите лапы!
В лицо не суйте пятерню...»
Тебя, мой самый лучший папа,
того и этого люблю.

• • •

пльиви к чужому океану
орех щербатая корма
по ручейку по автобану
по льду когда придёт зима

при восьмибальной безнадёге
от гибели на волосок
по бездорожью по дороге
по компасу наискосок

пльиви меня в морской и пресной
в живой и неживой в любой
умалишённый одноместный
орешек мой кораблик мой

бей воду продыха не зная
несуществующим винтом
моя надежда костяная
скорлупка хрупкая фантом

• • •

Ю. Г.

В Митине пустом под утро
взрослым спать пора.
Посмотри: уходит будто
кто-то со двора.

Вслед ему молчи, сестрица,
здесь с недавних пор
всё, как встарь, не повторится.
Кончился повтор.

За окном фонарь разбитый
и ракушек ряд.
Под небесной Антарктидой
облака парят.

Не увидеть человека —
вышел и пропал.
Митино, экспресс-аптека,
Мосводоканал.

• • •

я во-первых взлечу а страх испытаю я во-вторых
самолёт упадёт в горах я случайно останусь в живых
я же сильный я доберусь докарабкаюсь доползу
если только вниз не сорвусь не умру на камнях внизу

снег пойдёт на исходе дня продираясь сквозь смешанный лес
будет тщетно искать меня экспедиция мчс
но под вечер учёный пёс обнаружит меня на снегу
и прогавкает я принёс вам привет от сергея шойгу

и тогда несмотря на то что я сильный
вот это финал
я расплачусь и вспомню лито где впервые стихи читал
про рассвет про закат затем про закат и ещё про рассвет
мне хотелось понравиться всем а стихи были полный бред

• • •

игрушка и ловушка
просторные тиски
игольная на ушко
тупая на виски

беззлобная однако
сулящая щедрот
пи до шестого знака
а дальше как пойдёт

пламя

Очередное чёрно-белое
документальное кино:
в железной рамке опустелая
платформа Косино.

Зима просторная и жуткая —
кругом, куда ни посмотри,
смертельный холод с промежутками
последней, как всегда, любви.

Обживши тамбур многоцветный,
окно застывшее протри.
Живи и миру не показывай,
какое бесится внутри.

• • •

тополя люди здания
облака облака
колесо-испытание
в парке вднх

в кубе свежеекрашенном
сделав круг до земли
астронавты бесстрашные
задохнуться могли

распалённые встречные
губ губами ловцы
наверху были вечными
а сошли мертвецы

• • •

Сквозь две арки прошли к остановке,
мимо детской площадки, парковки.
По Ордынке продолжили путь.
Рассказала мне, что в Третьяковке
ты хотела луну сколупнуть.
Доставая из сумки объедки,
бомж хрипел в подворотне, как в клетке.
О бетон ударялась вода.
Зацепившись за голые ветки,
небеса прогибала звезда.
На стене, что строители-турки
очень скоро пустили на слом,
наступая на хлам и окурки,
ты царапала по штукатурке:
вижу зверя в мужчине любом.

...А когда стал не виден с брусчатки
чёрный водоотводный канал, —
свет от фары скользнул по сетчатке, —
я плечо твоё поцеловал.
Это просто — за горе бороться.
Сквер не спит, он от страха притих.
Не пугайся, не тронут уродцы —
монструозные девки и хлопцы.
Власти нас оградили от них.

ПИСЬМА НА ЮГ

1

Вот увидел тебя и предстал пред тобой,
пряча нежность в эти двенадцать строк.
Колыбельную — помнишь, просил — напой,
и ты пела. И я засыпать не мог.

Что шептали ласковые уста,
слышал только я да ещё один,
чья любовь, как наша с тобой, чиста,
щедрый милостью Господин,

совершитель всех благодатных дел,
направлявший птенцов своих с высоты,
сохранитель душ и защитник тел
от слепого зла и большой беды.

2

когда на город сойдёт темнота
когда сойдёт темнота
я буду ждать тебя у моста
я буду ждать у моста

и мы помчимся с тобой через мост
помчимся с тобой через мост
как айртон что мёртв и как ален что прост
но кто из нас будет прост

на том берегу не узнают нас
на том не узнают нас
пока не наступит рассветный час
наступит рассветный час

в котором тебя уже не догнать
в котором тебя не догнать
но не потому что за речкой падь
за речкой и вправду падь

а потому что за падью пасть
за падью бездонная пасть
она выбирала меня пропасть
а выбрала нас пропасть

а я не готов я ещё не готов
я врал что я был готов
прошу остановимся у садов
голых пустых садов

помнишь как в них укрывались мы
дождь смолк ураган утих
сходящей на город смиряющей тьмы
хватало для нас двоих

3

И чего ночью в голову не придёт:
как ты? где? на каких югах?
Прогревший над лоджией самолёт
на посадку заходит в моих висках.

Димедрол дежурный даёт добро,
улетает бычок в люберецкую жуть.
Выйдешь в «Яндекс»: золото, серебро.
От тебя ни слова. Снова не уснуть.

Не оставь меня, ночь, не бросай одного
посреди голых стен — без неё, — и хотя
я уже не боюсь ничего, ничего,
не оставь одного, без неё, уходя.

4

влетает ворон нелюбви
распахивает ад
железом бей огнём травы
не улетит назад

не улетит пока в груди
есть мясо для страстей
но вот насытился гляди
не трогает костей

он ворон больше ничего
клюв лапы пара крыл
я видел изнутри его
я им однажды был

5

в этом городе всё наоборот
вот трава вверх корнями растёт
вот от устья к истоку река
утекает и вода легка

даже воздух тяжелей её
здесь на улицах вечерних зверьё
не боится человеческих теней
ночи здесь тысячелетий длинней
здесь темнеет беспросветно к утру

в темноте самого долгого дня
ты сказала мне что я не умру
ты сказала что забудешь меня
я не верил то есть верил так вот
я бессмертный уяснил для себя
в этом городе всё наоборот
кроме неба и под небом тебя

6

Что ещё осталось? Полумрак,
облако над лесом, лай собак,
голового окна квадратный свет,
женщина, которой рядом нет.
Голубя курлыканье-нытьё,
горизонта сдвинутая ось.

Летнее твое житьё-бытьё
кончилось. Другое началось.

Где тоски естественный предел?
За окном не видно ни черта,
там ли голубь или улетел?
Темнота в квадрате. Пустота.
Что теперь осталось? Замолчи.
Вот кругляш магнитный, вот ключи.
Возвращайся, падай на кровать
верить в чудо прошлое и ждать.

ворон

Воздух хватаю, держусь на плаву,
Свой рыбий рот разеваю:
Да, я живой, я тобою живу.
Только тобой прозябаю.

И непонятно никак, почему
Этой порою осенней
Даже на юго-восточном Крыму
Нет мне ни сна, ни спасенья.

Утро. Последняя гаснет звезда,
Вран на столбе примостился.
Не говори никогда «никогда» —
Я вот договорился.

• • •

я дотянул до марта неспроста
он звал меня за жёлтой занавеской
цветёт герани куст и от куста
по комнате расплылся запах резкий

так пахнет смерть как известь как карбид
катаясь в луже пузыри пуская
так пах февраль он музыкой убит
в его затылке музыка сквозная

зачем мне этот март в котором нет
тебя со мной похожий на чеканку
за занавеской выпуклый рассвет
герани куст и небо наизнанку

• • •

Сосчитаю до десяти.
Отпусти меня, отпусти.
Перепрячься, я буду искать не там,
даже если пойду по твоим следам.

Не узнать в темноте незнакомых мест,
слева — степь, справа — лес, между ними — я.
А присмотришься — перекошенный крест,
одинокий, точно ты без меня.

Посмотри на него: вдали
якорь, брошенный из-под земли,
ржавой тенью примял траву
и качается наяву.

зимой в Бордуках

Выхожу во двор. Зима во дворе.
По колено снегу намело за утро.
До чего же холодно в этом январе,
до чего же снежно, до чего же мутно.
Нет других развлечений — хватает вполне
радио, водки и крепкого чая.
В полвторого Егорыч завалит ко мне,
а пока я дорожку к крыльцу расчищаю.
Мы с Егорычем выпьем, поговорим
о строительстве бани, террористах-чеченах.
А под вечер, ругаясь, придёт за ним
его баба. С порога: «Писатель хренов,
ты б не спаивал моего мужика.
Пьют, пьянчуга, в Москве, а у нас по-другому...» —
закричит. И Егорыч, махнув: «Пока!» —
вместе с бабой своей побредёт до дому.
Скажет: «Дура слепая, ни дать ни взять.
Он и там не свой, он и здесь не в спросе.
К бережку бы какому ему пристать,
не болтаться, как в проруби, да на этом морозе».

• • •

стало холодно совсем зябко
не люблю октябрь непогоду
говорила так моя бабка
причитала только б не в воду

не погост у нас а болото
торфяная дождь пройдёт жижа
только бы не в воду не в воду
на пригорке там посуше повыше

всё бессвязней говорила всё глуше
на пригорке там повыше посуше
он зелёным станет ранней весной
там сосна ещё стоит под сосною

ЛЕСНИК

Из глубокой глуши подмосковной
жизнь меня выводила не раз:
не засыпало в штольне бездонной,
видно, Он приберёт про запас,

нагорбатился вволю на драге,
намывая казённый металл,
и от Волоколамска до Праги
подрывную машинку таскал.

А за то, что ни пуля, ни мина
не оставила в той стороне,
нам с женой — две медали, два сына,
два инфаркта — всё случилось вдвойне.

Ну, почти... Только самую малость —
на погосте второго креста —
из ненажитого и осталось.
Так ещё ведь не вся прожита.

Да и долго ль кресту на просторе,
уходя каждый вечер во тьму,
одному рассыхаться под ветром,
намокать под дождём одному.

• • •

Все вышли из земли и все в неё войдут.
Переступая, ветер проберётся
в беспозвоночный и глухой уют
ещё не набежавшего колодца.
Заточенным штыком раскроют глубину,
перерубая кряжистые корни,
с рассыпчатого дна увидят вышину,
присядут покурить на свежем дёрне.
Бросая трижды землю навсегда,
пойдут по кругу взрослые, как дети.
И воздух светел, и чиста вода,
и всхлипы эти, причитанья эти...
Покажется, что пропасть широка,
не хватит скорбной силы хороводу,
и только землекопы в три штыка
доделают привычную работу.
А я смотрю на это не дыша
и чувствую, что в тишине гудящей
вся жизнь моя, вся лёгкая душа
боится оказаться настоящей.

• • •

бывает так земная твердь
начнёт за взглядом открываться
сначала страшно посмотреть
потом не в силах оторваться

зажмуриваешься напрасно
рукой как бритва безопасной
продёргиваешь жизни нить
Господь от пошлого соблазна
убереги позволь просить

спаси безмозглого курилку
Тобой одушевлённый прах
пустых страстей свинью-копилку
с безумной дырочкой в зрачках

• • •

Если забыла, напомним тебе
встречи с культуркой на Бронной.
Ты не подумай, я не по злобе —
по доброте беспардонной.

Двери не заперты. Недалеко
наши кучкуются в сквере.
Помнишь, тогда ещё очень легко
было входить в эти двери

и убеждаться: вначале всего —
слово. Известное дело,
мы находили не только его.
В спальне над креслом висела

карта Москвы. Я отметил флажком
наше нетайное место.
Хочешь не хочешь, но даже ползком,
посередине семестра,

через Макдоналдс, пивною тропой,
мимо невзрачных построек
не за словами — сама за собой
ты возвратишься во дворик.

Дверь отворишь, на ступеньку шагнёшь,
выше подняться не в силах.
Скоро обедать пойдёт молодёжь,
здесь подожди, на перилах.

Хлеба без джаза получит народ,
кушанье стынет, готово.
Вольному — гречка, спасённой — компот.
Нам ни того, ни другого.

• • •

*Все — безразличны, как стихия, —
Сольются в бездне роковой!..*

Ф. Т.

А потом на дороге, ведущей незнамо куда,
ты со мной не простишься,
со мной не простишься... Нелепы
эти сосны кривые-кривые, столбы, провода,
это небо над ними, над нами, везде это небо.

Нелегко уходить от погони, петлять нелегко,
надо путать следы, надо сбить неродные колодки,
надо верить: за полем, за рощицей есть озерко,
и мостки над водою, и лодка, и вёсла для лодки.

И когда, отдышавшись, уже на другой стороне
ты увидишь знакомое небо, похожее поле,
никогда не жалей, иногда вспоминай обо мне,
я ведь тоже на воле, ты тоже, ты тоже в неволе.

• • •

Когда недели, словно поезда,
без остановки пролетают мимо,
становится понятна и проста
вся бесполезность этого экстрима —

быть без тебя. С Чугунного моста
посмотришь вниз: вода необратимо
не движется, и жизни пустота
как никогда сейчас невыносима.

Докуривай, к троллейбусу спеши,
темнеет, на Болотной ни души.
На шум фонтана и автомобилей
через ворот распахнутых проём
иди, как мы когда-то шли вдвоём,
из темноты на свет, — и выходили.

Эдем

Разбудят под утро тебя мудрецы,
Московского гидрометцентра жрецы,
Враньём на центральных каналах.
Расскажут о том, что надеть предстоит.
И только с насмешкой в ответ прозвонит
Трамвай 27 в двух кварталах.
Купив сигарет у барышницы с рук,
На этом трамвае ты делала крюк
Бессмысленный. Я убедился:
Гораздо быстрее напрямик. Через двор
Я шёл по дорожке туда, где забор
До самой земли накренился.
На опытном поле осеннем вдвоём
Мы видели, как зеленел водоём,
Как яблоки падали наземь,
Как ветер последние листья срывал.
И если нас кто-нибудь здесь узнавал,
То это один Тимирязев.
И мы незаметно следили за ним:
Спиной повернувшись к владеньям своим,
Он молча смотрел, как ветшала
Фасадов и крыш штукатурка и жесьть,
А ты — здесь их, скрещенных, было не счесть —
Плоды неземные вкушала.
Два года прошло. Нам не встретиться тут,
У каждого — новый трамвайный маршрут.
Студенты в саду неволшебном
Подняли забор. У центральных ворот
Охранник и рыжая сука живёт —
Дворняга. И вход по служебным.

• • •

этот страх замирает не дышит
начинает сгущаться расти
рафинад одиночества слышит
и не знает в какую идти

он по воздуху мчится лютуя
выжигающий землю дракон
в незакрытую двадцать седьмую
где вибрирует телефон

задрожат в темноте занавески
и пускай там вовеки не ждут
отправляй в пустоту sms-ки
не вернуться быть может спасут

• • •

В твою квартиру, для забавы
дверьми и форточкой скрипя,
заходит призрак громкой славы
пугать и искушать тебя:
чего ты хочешь? смерти во спасенье
иль музыки, блаженный идиот?

Прочти ему в ответ стихотворенье.
Читай, читай.
И призрак пропадёт.

• • •

Асфальта живая плацента,
на десять км — никого.
Подъедет ЛИАЗ из райцентра,
оставит тебя одного.

Сам рвался на волю, смотри же:
отсюда нельзя убежать.
Спускайся к торфянику, ниже,
туда, где сосновая гать.

Она в этом дыме кромешном
для тех, кто не видит пути,
положена плотником здешним,
и мимо неё не пройти.

содержание

«Не знает, как освободиться...»	5
«Не забуду с дошкольного самого...»	6
Чайник	7
«на улице играют музыканты...»	9
«Счастливого детства осечка...»	10
«Мне хотелось быть в детстве врачом...»	11
«Когда они, раздвинув доски...»	12
«Отец, которого я помню...»	14
«пльви к чужому океану...»	15
«В Митине пустом под утро...»	16
«я во-первых взлечу а страх испытаю я во-вторых...»	17
«игрушка и ловушка...»	18
Пламя	21
«тополя люди здания...»	22
«Сквозь две арки прошли к остановке...»	23
Письма на юг	24
Ворон	28
«я дотянул до марта неспроста...»	29
«Сосчитаю до десяти...»	30

Зимой в Бордуках	33
«стало холодно совсем зябко...»	34
Лесник	35
«Все вышли из земли и все в неё войдут...»	36
«бывает так земная твердь...»	37
«Если забыла, напомню тебе...»	38
«А потом на дороге, ведущей незнамо куда...»	40
«Когда недели, словно поезда...»	41
Эдем	42
«этот страх замирает не дышит...»	43
«В твою квартиру, для забавы...»	44
«Асфальта живая плацента...»	45

В издательстве «Воймега» вышли следующие книги:

серия «приближение»:

Ольга Нечаева «Птичье молоко»

Алексей Тиматков «Воздушный шар»

Андрей Чемоданов «Совсем как человек»

Всеволод Константинов «Седьмой путь»

Александр Сорока «Тутырь»

Валерий Халяпин «Три-вы-я»

Александр Максимов «Новый год-II»

а так же:

Денис Новиков «Виза»

Ирина Ермакова «Улей»

Ян Шенкман «Скоро придет конец птице, оглохшей от собственного пения»

Григорий Кружков «Новые стихи»

Александр Тимофеевский «Размышления на берегу моря»

Книги можно приобрести в магазинах:

Книжная лавка Литинститута, Тверской б-р, д. 25
«Фаланстер», М. Гнездниковский пер., д. 12/27

дизайн серии и макет:

С. Труханов

корректор:

О. Тузова

редактор:

И. Ермакова

Формат 60x90/16

Тираж 500

издательство «Воймега»
e-mail: voymega@yandex.ru
alkonost@inbox.ru

директор издательства А. Грачёв

«Воймега» представляет:
«Документальное кино»

реж.: **Александр Переверзин** (р. 1974)

звук: **отсутствует**

цвет: **черно-белый**

субтитры: **русские**

формат: **145x200**

ограничение по возрасту: **ограничено**

длительность: **48 страниц**

Содержит визуальную информацию
Предназначен для частного домашнего просмотра
Не подлежит обязательному прочтению

DOC/RUSSIA/2009

александр переверзин александр переверзин александр переверзин александр
ное кино • документальное кино